

В. Н. Базылев
Москва, Россия

О СВОЕЙ СТРАНЕ, СВОЕЙ СУДЬБЕ, НАСТОЯЩЕМ И ПЕРЕЖИТОМ: АНДРЕЙ АНДРЕЕВИЧ ГРОМЫКО
(к вопросу о реальности «политического нарратива»)

АННОТАЦИЯ. Статья продолжает серию опытов психополитического анализа автопортретов политиков советской эпохи. Предыдущие статьи автора были посвящены таким партийным и государственным деятелям, как Лазарь Казанович и Никита Хрущев, Леонид Брежнев и Михаил Горбачев. Данная статья — это первая попытка автора обратиться в рамках исследовательской парадигмы политической лингвистики к анализу автобиографического нарратива А. А. Громыко, который на посту главы советской дипломатии беспрерывно находился почти 40 лет, начиная с 1939 года, что является рекордом для СССР и России. Цель исследования — показать стратегию чтения и понимания автобиографии политического лидера как коммуникативного ролевого акта, авторизующего его (политика) самоосознание и саморепрезентацию. Статья с теоретических позиций основана на понятии «политического нарратива». По мере освоения лингвистикой речевых областей, лежащих вне рамок художественного намерения, термин «политический нарратив», с нашей точки зрения, может быть закреплен за изложением событий биографического и автобиографического характера от лица политического деятеля. Дело в том, что «политический нарратив», как и любой иной вид нарратива, обладает определенными содержательными, т. е. преимущественно фабульно-сюжетными, а также стилистическими и лингвистическими особенностями. Задача нашего исследования заключается в том числе в описании маркеров «политического нарратива» — собственно языковых, связанных с разворачиванием текста, со структурой его поэтики, собственно нарратора и достоверности нарратива, исторического времени и модальности.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: автобиографии политиков; политические деятели; политическая психология; стратегии чтения; интерпретация текста; политический нарратив; лингвоперсоналогия.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ: Базылев Владимир Николаевич, доктор филологических наук, профессор, профессор Института иностранных языков им. Мориса Тореза, Московский государственный лингвистический университет; 119034, Россия, г. Москва, ул. Остоженка, д. 38, стр. 1; e-mail: v-bazylev@inbox.ru.

Введение. Автобиография политика и проблема «политического нарратива».

Автобиография — один из субжанров мемуарной литературы, демонстрирующей работу воспоминания, которое, в оценке А. С. Пушкина, «самая сильная способность души нашей» [Пушкин 2005: 297]. Автобиография пишется для любопытных потомков. Это в полной мере относится к воспоминаниям советского государственного деятеля А. А. Громыко, являющимся параллельным жизнеописанием с сопоставлениями по принципу: «сейчас — тогда», «во мне — вокруг». Можно сказать, что в данном случае перед нами особый вид языковой игры, состоящей в выборочной фиксации событий, их объяснении при помощи техники «подмонтирования», предъявления адресату фактов «суровой действительности» и философского осмысления их аналогов. Это осознание политиком советской эпохи себя как части истории и своей жизни как процесса, определяемого ответственностью за поступки, за память поколений и неразрывность истории: «Каким бы скромным ни старался быть автор, он все-таки сам идет по дороге собственной жизни и рассказывает не только о поступках других, но и о своих собственных. Для него написанная им книга как бы зеркало, которое он создал и которое отражает не только поведение других людей, их мысли, силу и слабость, мировоззрение. Оно отражает, прежде всего, его собственные качества, их грани, личностные и общественные. Очень сложная задача для каждого автора воспоминаний — он не имеет права, если хочет быть объек-

тивным, заставлять зеркало отражать реальность в кривом изображении. Любой человек, желающий передать другим свои мысли и суждения о людях или событиях, должен находить ту золотую середину, которая позволяет ему не навлечь на себя упреки в том, что он не объективен» [Громыко 1990, т. 1: 7].

Все это пересекается в одной точке — автобиографии, создавая повествование о своей конкретной истории в мифологическом пространстве советской эпохи как особом модусе существования сознания: «С начала сознательной жизни я — убежденный коммунист, преклоняющийся перед могучей силой учения Маркса-Энгельса-Ленина. Люди строят дом. Еще нет этого дома, он еще не готов, но его уже в процессе стройки люди называют домом. Так и коммунистическое общество, которое строит наш народ под руководством Коммунистической партии, — это не мерцающая, не недостижима звезда, а реальный процесс созидания, которым занят весь наш народ. Я горжусь тем, что внесу свой скромный вклад в общее дело партии и народа, в дело мира и коммунизма» [Громыко 1990, т. 1: 6].

Жизнь А. А. Громыко в автобиографических воспоминаниях — это совокупность его человеческого «я»: в событиях обыденной реальности той эпохи, в ключевых понятиях времени, в отношениях между людьми, в реалиях быта, в сохранении родственных связей через семейную память, детские воспоминания и отношения, семейные истории и предания, что позволяет избежать лакун исторической памяти.

Не случайно свою автобиографию А. Громыко начинает именно с детства. Глава 1 так и будет называться — «В начале жизненного пути». Он будет рассказывать о семье крестьянина-бедняка, о родителях и родственниках, о событиях Первой мировой, об оккупации немцами в 1918 г. Гомельщины и пр. [Громыко 1990, т. 1: 8—36].

Сказанное выше позволяет говорить о том, что подобное автобиографическое повествование в полной мере является нарративом, т. е. достаточно разнородным в жанровом плане комплексом повествований о событиях, в отличие от описания. Так считают, по крайней мере, В. Шмид и А. Борисенкова [Борисенкова 2010; Шмид 2008]. Однако Е. М. Сморгунова полагает, что нельзя применять по отношению к термину «нарратив» уточняющих эпитетов. Следовательно, нельзя говорить о «научном нарративе», «техническом нарративе» или «политическом нарративе» [О своей земле 2012: 33]. В этом, правда, исследователь в какой-то момент начинает противоречить сам себе. Он признается, что в подобных «нарративных текстах» нередко используются и дневниковые, и мемуарные, и эпистолярные материалы, т. е. вкрапления, именуемые обычно «документами» [О своей земле 2012: 34].

Сегодня, по мере освоения лингвистикой речевых областей, лежащих вне рамок художественного намерения, термин «политический нарратив», с нашей точки зрения, может быть закреплен за автобиографией политического деятеля. Дело в том, что «политический нарратив», как и любой иной вид нарратива, обладает определенными содержательными, т. е. преимущественно фабульно-сюжетными, а также стилистическими и лингвистическими особенностями. Задача нашего исследования заключается в том числе в описании маркеров «политического нарратива» — собственно языковых, связанных с разверткой текста, со структурой его поэтики, собственно нарратора и достоверности нарратива, исторического времени и модальности.

Биография в контексте эпохи. Андрей Андреевич Громыко (5 июля 1909 — 2 июля 1989) — советский дипломат и государственный деятель, в 1957—1985 гг. — министр иностранных дел СССР, в 1985—1988 гг. — председатель Президиума Верховного Совета СССР. В 1944 г., будучи послом СССР в США, Громыко возглавлял советскую делегацию на Международной конференции по проблеме создания Организации Объединенных Наций. Участвовал в подготовке Тегеранской конференции, подготовке и проведении Ялтинской конференции во время

Второй мировой войны, конференции в Потсдаме по завершении войны. А. А. Громыко сыграл решающую роль в предотвращении Карибского кризиса; был инициатором Договора о запрещении испытаний ядерного оружия (1963 г.). Вместе с тем Громыко в 1968 г. поддержал ввод войск Варшавского договора в Чехословакию и подавление Пражской весны, а в 1979 г. входил в состав узкого круга высших руководителей государства, принявших решение о вводе советских войск в Афганистан. А. А. Громыко начал свою дипломатическую деятельность при Сталине, продолжил ее в переходный период 50-х гг., вплоть до смещения Н. Хрущева, был одним из ближайших соратников Л. И. Брежнева, пережил недолгие годы правления Ю. Андропова и К. Черненко, завершив свою политическую карьеру при М. Горбачеве в 1988 г. [Громыко 2009; Рыбас 2011].

Материал исследования. В 1990 г. издательство «Политиздат» выпустил единственный двухтомник, содержащий мемуарный материал А. А. Громыко. О том, как сам автор воспринимал свою задачу — задачу нарратора, как он понимал то, что от него ждет адресат, свидетельствуют слова из Предисловия: «Часто я получал письма, в которых на разные лады задавался простой вопрос: Скоро ли появятся мемуары? Попадались и такие, в которых содержалась как бы обида на то, что я не считаюсь с желанием людей почитать мои воспоминания <...> Итак, данная книга содержит воспоминания автора. Временной отрезок — это в основном последние полвека. Таким образом, содержание книги представляет собой как бы сплав: люди, события, время» [Громыко 1990, т. 1: 3—4].

Чего ждет адресат от воспоминания-нарратива. В чистом виде устный «политический нарратив» доступен адресату в очень ограниченном числе случаев. Только в тот момент, когда политик напрямую вступает в коммуникацию со слушателем — в выступлении по TV или on-line в Интернете, на митинге, во время приема по личным вопросам и пр. В остальных случаях «политический нарратив» представлен в форме письменного воспроизведения.

Эпизоды автобиографического нарратива политика по самому своему жанру имеют определенные границы, а именно: они должны быть помещены в определенный масштаб времени, поставлены в определенную связь с другими биографическими событиями и не должны быть слишком детализированными, например, в производственном, бытовом или ином отношении. Иначе они

нарушают временную перспективу изложения, превращаясь в художественный «поток сознания», либо начинают фиксировать детали и мелочи, быть может, и весьма интересные сами по себе, но, тем не менее, нарушающие принцип автобиографичности, т. е. прямой связи с жизнеописанием политика.

Именно поэтому автобиографию А. А. Громыко «монтирует» крупными фрагментами: «В начале жизненного пути» — детство и юность, родители и родственники, впечатления от деревенской жизни; затем — конец 30-х, «Перед военной грозой»; далее — обширный фрагмент, посвященный перелому во Второй мировой и первым послевоенным событиям, «Тегеран — Ялта — Потсдам», а затем — значительный фрагмент «На фронтах „холодной войны“». Очень подробно — о своей жизни и работе в 70-е годы. По мере приближения к 80-м нарратив свертывается и сходит на нет.

Маркеры нарратива. Необходимость вычленять «политический нарратив» как отдельный самостоятельный субжанр ведет в рамках политической лингвистики к задаче поиска маркеров. Прежде всего маркеров нарратива в письменных источниках.

Маркеры изложения в письменном тексте автобиографического нарратива выглядят достаточно традиционно — это вычленение прямой речи персонажа, а также привычные вводные слова и конструкции: *Бывает, меня спрашивают... Неизбежно возникает вопрос: с какого же времени у тебя стали формироваться взгляды на жизнь... Я удивлялся: Как отец все помнит?.. Я спросил тогда у Чаплина: А читали ли вы таких русских писателей, как Толстой, Тургенев <...>?* Вводные слова, такие как *а потом, после, затем, до того, перед тем*, демонстрируют стремление изложить ход биографических событий, указывая на их последовательность и непрерывность: *Кроме того, я возглавлял советские делегации... Надо сказать и о том, что эти решения стали объектом сознательной фальсификации... Думается, что читателю будет интересно... Помню одну такую телеграмму...*

Маркеры именно автобиографического политического нарратива более разнообразны и менее очевидны. Начнем с традиционных «анкетных» зачинов.

В начале 1939 года меня пригласили в комиссию ЦК партии, подбиравшую из числа коммунистов новых работников, которые могли бы быть направлены на внешнеполитическую, дипломатическую работу... Вошел и предстал перед членами

комиссии. В ее составе сразу узнал В. М. Молотова и Г. М. Маленкова^[1]... Весной 1939 года меня назначили в Наркоминдел СССР на должность заведующего американским отделом [Громыко 1990, т. 1: 72—73]

С нашей точки зрения, для этого типа нарратива характерна перебивка прямой и косвенной речи с преобладанием речи прямой.

Фельдмаршал [Смэтс^[2]] добавил: — Что касается наиболее острого из обсуждаемых на конференции вопросов — о праве вето, то тут наша делегация полагается в основном на пять держав — постоянных членов Совета Безопасности <...>. Но моя делегация и я сам, — сказал Смэтс, — с грустью констатируем, что в обсуждаемом проекте Устава ООН, согласованном на конференции в Думбартон-Оксе, вовсе нет бога. — Я переспросил седого фельдмаршала: — Что значит „нет бога“? А где он тут должен быть? — Собеседник совершенно спокойно объяснил: Государствам, как и людям, следует бояться бога, руководствоваться его велением. И это следовало бы отразить в Уставе Организации [Громыко 1990, т. 1: 318—319].

Еще один важный маркер — передача бесед с выдающимися деятелями истории и современности. Целый цикл в нарративе А. А. Громыко отведен именно этому субжанру — беседе, вместе со всеми формальными ее признаками [Дементьев 1999]: *Вместе с Гагариным... Довженко... Алесандровы... Беседы во время прогулок... Слово Пастернака... Беседа с Бенешем... Вчетвером у Сталина... Беседы с Ланкастером [Громыко 1990, т. 2: 466—505].*

Беседа с Довженко^[3]: — А откуда вы родом, Александр Петрович? — спросил я как-то. — С Черниговщины. Там над Десной есть село Выюнице. В семье казака-хлебороба Петра Семеновича Довженко я и родился. — Так мы же с вами почти земляки, — я искренне почему-то обрадовался. — Я с Гомельщины, а реки от нас — Днепр и Сож — несут свои воды на Черниговщину <...> В беседах, которые мы вели, я замечал его манеру рассуждать как бы для себя и про себя. Он не навязывал своих мыслей, но старался построить свои высказывания так, чтобы они обосновывали, объясняли, подкрепляли его разносторонние суждения по поводу какого-то положения [Громыко 1990, т. 2: 482—483].

Беседы с Полем Робсоном^[4]: Во время встреч у нас велись душевные разговоры, в которых принимали участие и ра-

ботники посольства. Все хотели увидеть Робсона, поговорить с ним. Польша не пыталась избегать политических тем. Он выступал как сторонник курса Рузвельта в отношении Советского Союза, высказывался за дружбу между народами обеих стран. Не могу забыть, как Робсон во время одного из таких непринужденных разговоров вдруг во всю мощь своего голоса затянул: — Широка страна моя родная... Самое сильное впечатление на Робсона производило то, что в советском обществе исчезает почва для национальных и расовых предрассудков. — А у нас в Штатах, смотрите, — говорил он, — то выступления профашистов, то вылазки ку-клукс-клана. При этом не стеснялся в выражениях, обличал американские власти, которые не принимают мер, чтобы пресечь преступления расистов [Громыко 1990, т. 1: 157—158].

Конечно же, никакая автобиография в принципе не может быть рассказана день за днем, неделя за неделей, месяц за месяцем. Все годы жизни не могут быть полностью отражены в автобиографическом изложении. С этим связан следующий маркер: всякое автобиографическое изложение строится как набор эпизодов. Например: Глава 4. Тегеран — Ялта — Потсдам: Что было в Тегеране. Вопрос о Польше. После Тегерана. В Ливадийском дворце. Роли определены и распределены. СССР выполнит обещание. Снова польский вопрос. Итоги Ялты. О Сталине на конференциях. История одной директивы. Великая победа в великой битве. На ближней даче Сталина. Наконец, Потсдам. На развалинах логова. Не хватало теплоты. „Козырь“ в виде атомной бомбы. Вчетвером у Сталина. Кому нести ответственность за будущее Польши. „Большая тройка“ за столом переговоров в Потсдаме. В основе — уважение к Советскому Союзу. В гостях у Вильгельма Пика [Громыко 1990, т. 1: 213]. Или: Глава IX. Европа — старый и вечно новый дом: Заглядывая в старину. Посланец из прошлого. Шарль де Голль. Де Голль и Рузвельт. „Франция выполнит свой долг“. Помпиду в Заславле и Пицунде. Три слова. Президент за штурвалом вертолета. Лидер французских социалистов. Факты из биографии Ролана Дюма. Шедевры Лувра. Пикассо рассуждает. Версаль и дом на улице Гренель. В замке Мальмезон. Франция помнит Анну Ярославну. Петр I в Париже. Провинциальная „Бастилия“ и Компьень. Слово, с которым француз неразлучен. Бонн Маркса и Бонн Аденауэра. Ночь на 13 августа 1961 года... Брандт вписал страницу в историю. Московский договор

1970 года. Уроки лучше не забывать. Шмидт: мои впечатления [Громыко 1990, т. 2: 3].

Как видим, бытийная связанность и даже событийная последовательность эпизодов не всегда соответствуют хронологическому порядку. Принципиальное отличие политического нарратива от мемуаров и воспоминаний как художественного произведения как раз и заключается в фундаментальном различии принципов отбора и композиции эпизодов, иначе — в свободной развертке текста.

Свободная развертка текста. Для политического нарратива характерна нелинейная хронологическая развертка описываемых событий. Устойчивая повторяемость событий повествования, как правило, не смущающая адресата, является своего рода аргументом в пользу правдивости книги.

Как не раз бывало в истории советско-американских отношений, противники их нормального развития вновь извлекли на свет миф о „советской угрозе“, широко пустили в политический оборот тезис, будто напряженность, враждебность и противоборство являются чуть ли не единственным состоянием для отношений между СССР и США [Громыко 1990, т. 2: 310]. Этот «лейтмотив» — константа, проходящая через весь до крайности политизированный нарратив. В качестве примера можно обратиться к главам «Порочный подход Вашингтона», «Космическая фальшивка Вашингтона», «Доктрина вмешательства», «Угрозы США по адресу Кубы» и др.

В этой связи укажем на такое психолингвистическое свойство восприятия информации, как потребность постоянного повторения одного и того же речевого фрагмента без каких-либо перемен или дополнений, что соответствует глубинной когнитивной потребности адресата не только в подлинности, но и в устойчивости нарратива, невзирая на степень правдоподобия сюжета. Отсутствие правдоподобия может совершенно не смущать адресата при любых отклонениях от действительности. В нашем случае это вся псевдореальность, связанная со строительством коммунизма, начиная со сталинских времен и заканчивая горбачевской «перестройкой».

В условиях социализма прибавочный продукт поступает всему обществу, которое является собственником и распорядителем материальных средств. Оно само определяет в соответствии с научно обоснованными планами использование народного богатства, соблюдая надлежащие пропорции и приоритеты.

Сама природа социалистического об-

щества создает возможности для выполнения планов все более широкого масштаба. Однако для того, чтобы возможность стала реальностью, требуется полная самоотдача людей, каждого на своем рабочем месте, перестройка их сознания и мышления. В итоге процесс ускорения развития создает условия для продолжения этого ускорения возрастающими темпами.

Таким образом, курс партии во внутренней жизни страны полностью находит и теоретическое обоснование в характере социалистических производственных отношений, в характере социалистического общественного строя.

На одном из заседаний XXVII съезда — уже он заканчивался — я вдруг вспомнил замечательные слова Ленина о II съезде партии:

— Какая прекрасная вещь — наш съезд!

Он говорил это тогда, когда партия у нас только создавалась. Как же теперь говорить нам, членам той же партии, превратившейся в мощную силу и объединяющей почти двадцать миллионов человек! Мы можем во весь голос заявить:

— Да, мы работаем сегодня под прекрасным, мощным лучом идей XXVII съезда.

Наш партийный съезд отметил, что необходима решительная перестройка всей деятельности партийных организаций, советских органов, всего народного хозяйства страны, всей работы, перестройка мышления и сознания людей [Громыко 1990, т. 2: 536—537].

Помимо этого, свободная от обязательной линейной последовательности развертка текста при восприятии письменного повествования существенно умножает степени рефлексии читателя, позволяя ему достраивать, расширять и углублять свои впечатления от прочитанного, увеличивая тем самым общий смысловой объем восприятия. Так происходит, например, в случае обращения нарратора к такому политику, как Л. П. Берия^[5].

„Загадка“ Берии для меня состояла в том, что официальная пропаганда подавала его образ как видного руководителя, наркома, стоявшего на страже законности, исправлявшего „ежовские перегибы“. Мало кто в стране знал, что сразу после своего назначения он привез с собой из Грузии целый поезд своих подручных, которые сразу же получили высокие чины и заняли руководящие должности и в центральном аппарате НКВД, и в этих же органах республик, краев и областей.

„Разгадка“ наступила вскоре после смерти диктатора^[6]. Оказалось, что

именно Берия отладил чудовищную машину репрессий, аппарат насилия, империю лагерей. Именно он вместе с Вышинским всячески раздувал деспотические амбиции Сталина, являлся и в личном плане садистом и мерзавцем в полном смысле. Его арестовали, осудили и расстреляли [Громыко 1990, т. 2: 507].

Структурная поэтика «политического нарратива». «Политический нарратив» принципиально монологичен. Как только мы ставим задачу выделить нарратив, так сразу видим, что во всяком повествовательном тексте существует различие между описанием и нарративом. На самом начальном уровне разница состоит в степени детализации. Это видно на примере главки «Петр I в Париже».

Хозяева-французы спросили: — Не хотели бы вы ознакомиться с тем, что оставил потомкам после своего визита в Париж Петр I? — Я сказал: — Постараюсь, если смогу найти для этого время. С интересом я узнал и по рассказам хозяев, и после осмотра ряда достопримечательностей Парижа о некоторых фактах, связанных с пребыванием Петра I во французской столице <...>. Царь ознакомился с обсерваторией, комнатой планов (географических карт) и обещал содействовать налаживанию сотрудничества русских и французских картографов. Во время посещения Академии наук в Париже он подолгу беседовал с видными учеными. За его глубокий интерес к наукам Петра избрали почетным членом этой академии, что стало событием неординарным. Такие черты Петра, как его неумная тяга к новому, деловитость, простота в общении, привлекали внимание французов. Тогда они удивлялись и, согласно источникам, говорили друг другу: — Вот это монарх! [Громыко 1990, т. 2: 50—51].

В каком-то смысле это описание, а в автобиографии это нарратив. Этот дифференциальный признак ценен тем, что позволяет, например, выявить иножанровые компоненты внутри автобиографического жанра. Иначе говоря, описание может содержать нарративные фрагменты, а нарратив — описательные. Редкость такого явления, как иножанровые вкрапления, может указать нам на характеристику автобиографического жанра как целого, отличительным маркером которого выступает прием мифологизации.

Когда окидываешь взглядом пройденный путь, то приходишь к выводу, что каждый его значительный период имеет не только светлые стороны, но и трудные времена <...> В январе 1924 года на страну

обрушилось горе — умер Ленин. Стояла суровая зима. Мы шли, с трудом пробираясь через огромные сугробы, к школе — там состоялось траурное собрание <...> Односельчане только и говорили что о смерти Владимира Ильича. Задавали много вопросов. Главный из них: — Что же теперь будет? Обращались и ко мне. Считали, если я комсомольский секретарь в ячейке, то обязан объяснять все. — Ты — комсомол, — говорили мне. — Расскажи, как же мы жить-то будем без Ленина? Что я мог им ответить? <...> И придумал отвечать так: — Ленин умер, но его помощники — партия — живы. Вот с ней и будем жить [Громыко 1990, т. 1: 47].

Приведенный пример свидетельствует о том, что нарратив предполагает мифологизацию. Не только себя, но и окружающей действительности. В случае А. А. Громыко это касается не только советской действительности, но, например, и американской действительности. Вся глава 15 «Тени и свет в стране Линкольна» — это пример подобной мифологизации.

В последний период в США, как и во многих других странах капиталистического мира, стало наблюдаться такое явление. Строятся новые красивые жилые дома, но большинство квартир в них пустует. Это — при огромной армии бездомных. Квартиры пустуют потому, что плата за них непомерно высока даже для квалифицированного рабочего или служащего. Вот и получается, что непредубежденному человеку приходится лишь удивляться: квартир в США полно, а миллионам людей жить негде.

Если спросить американского солдата в США или за рубежом: — Что заставило вас пойти в армию, что она защищает и для чего вторгается в ту или иную чужую страну? Он, скорее всего, ответит: — Я защищаю жизненные интересы США и американскую демократию. Сам он, конечно, не имеет представления о том, что такое жизненные интересы США и что это за демократия, да и вопроса такого перед собой не ставит. Он отвечает так, как его научили с детства [Громыко 1990, т. 2: 360].

Помимо сказанного из приведенных выше примеров видно, что подлинному автобиографическому «политическому нарративу» соответствует структурная система из одного рассказчика (нарратора), который и является главным действующим лицом — актором, или героем повествования.

Структурно это можно смоделировать как единство уровней действия и повество-

вания. Рассказчик и актор занимают один и тот же первый уровень повествования. На втором уровне находится адресат. В существенном для нас отношении при порождении «политического нарратива» автор исполняет сложную роль фильтра: цензора — корректора — редактора.

Мне много приходится писать о величайшей из проблем, которая стоит перед человечеством, — о разоружении. Другими словами, о проблеме ликвидации оружия, прежде всего ядерного <...> Старался я ограничиться лишь краткой оценкой, иногда зарисовкой ключевых тем и эпизодов, относящихся к борьбе против ядерного оружия, позиций по этому вопросу тех или иных стран и политиков, действовавших на международной арене, приводил различные штрихи, но, тем не менее, к этой проблеме приходится возвращаться вновь и вновь <...> Разумеется, моя книга воспоминаний — не монография, которая посвящена какой-то одной проблеме. Это — труд, который, затрагивая в числе других данную проблему, обнажает и то, как сама эта проблема преломляется, в конечном счете, в сознании людей [Громыко 1990, т. 1: 384].

Таковы основные структурные особенности письменного «политического нарратива» автобиографического содержания.

Нарратор. В нарративе, как мы только что сказали, всегда присутствует рассказчик. При этом никаких специальных способов выделения рассказчика лингвистически не требуется. Это могут быть только именные (местоименные) маркеры. Мы различаем, от какого грамматического лица ведется рассказ: от первого (я) или третьего (он). У нарратора одна задача: сохранение «первого лица». Первое лицо всегда гарантирует нарратив.

Войдя в кабинет президента [речь идет о Кеннеди^[7] — В. Б.], я встретил его улыбающимся, казалось, в хорошем настроении, как обычно. Это была наша уже, по крайней мере, пятая встреча, если вести отсчет от первой — в Сан-Франциско, в 1945 году. Теперь же президент сказал:

— Не стоит ли нам выйти на короткое время на террасу и поговорить один на один, без переводчиков? — Я, разумеется, согласился. Мы вышли из кабинета на открытую террасу.

Сразу же Кеннеди заговорил о внутренней обстановке в США <...> Кеннеди приостановился. Он явно ожидал моего комментария в связи с его высказыванием. Я ответил так: — Хочу подчеркнуть, прежде всего, ту мысль, что, по нашему

глубокому убеждению, обе группы населения, о которых вы говорили, не отражают мнения народа вашей страны в целом <...>. Остановился, посмотрел на президента. Он ожидал, что будет дальше. Я продолжил: <...> [Громыко 1990, т. 1: 494—495].

Как и в любом автодокументальном тексте, важным для нарратора оказываются адресаты, к которым он обращается своим рассказом, по отношению к которым выстраивает свое «я». В нашем случае это виртуальные «ты» (здесь, очевидно, будет уместно указать на феномен «партийного, номенклатурного ты» в советском политическом дискурсе), к которым обращается рассказчик в ходе повествования.

Сколько существует Советское государство, столько оно ведет борьбу за торжество принципа мирного сосуществования. Разумеется, период второй мировой войны — особое время. Тогда речь шла о том, чтобы сокрушить агрессора, поправшего все международные нормы поведения и морали. Требуется ли доказательств аксиома? Небезынтересно привести некоторые эпизоды борьбы Советского Союза за признание этого принципа. Покажу их в той последовательности, в которой археологи производят раскопки, — начиная с самого верхнего слоя [Громыко 1990, т. 2: 454—455].

Проблема достоверности нарративного материала. Читая автобиографию политика, адресат исходит из принципиальной установки доверия к рассказчику. Достоверность нарратива либо предполагается по умолчанию, либо она адресату не так важна в принципе. Действительно, как может проверить «простой» адресат, действительно ли Вышинский следил за Лениным, чтобы сдать его Временному правительству, принимал наркотики, пресмыкался перед Берией и пр. Важнее для него отношение самого политика-нарратора к событиям. Общее представление о достоверности нарратива складывается у адресата из знания реалий (весьма ограниченного и зависящего от возраста, социального статуса, образования и профессии), а также из представлений о моральных качествах нарратора, которые формулируются при этом им же самим.

Так происходит в случае с рассказом о «загадке Вышинского»: Долго „загадкой“ я считал тогда Вышинского. Да и многие так считали. Познакомился я с ним уже после войны. В 1940 году его назначили первым заместителем народного комиссара иностранных дел СССР. Но тогда я его не знал. Когда позже я с ним встретился, то мне бросились в глаза его основательная

подготовка, умение выражать свои мысли, — сказывался опыт. Он не лез, как говорят, в карман за словом. Кстати, последним качеством он злоупотреблял <...>. Когда я начинаю мысленно склеивать и сопоставлять известные мне факты о Вышинском периода культа личности Сталина и судебных процессов над так называемыми „врагами народа“, то прихожу неизменно к выводу: этот человек никогда не являлся настоящим коммунистом. Он представлял собой какой-то осколок из политически чуждого нам мира. В свое время он относился к числу активных меньшевиков, немало сил приложил, чтобы попытаться выследить Ленина, когда тот скрывался от ищеек Временного правительства. В общем, был в прошлом не просто меньшевиком, а еще и карьеристом без чести и без совести, служившим преступным целям <...>.

Когда Вышинский стал министром иностранных дел, мне доводилось быть свидетелем его телефонных разговоров с Берией. Как только в трубке раздавался знакомый голос, Вышинский сразу вскакивал с кресла, как будто его подталкивала какая-то невидимая пружина. А сам разговор по телефону и вовсе представлял собой мерзкую картину: так угождает только слуга перед баринком <...>. Осталось не так уж много людей, кто лично наблюдал за тем, что представлял собою Вышинский как человек. В какой-то мере я такую возможность имел <...>. Однажды вечером зашел я к нему в кабинет для очередного обсуждения текущих вопросов внешней политики. Вижу — Вышинский сидит за столом в состоянии какой-то отрешенности. И смотрит так, будто готовится услышать какую-то страшную весть. Про себя я подумал: „Не принял ли он дозу каких-то сильных наркотиков?“

Он затем даже привстал, как будто я ему непременно должен что-то сообщить. Лицо усталое, напряженное. Но не промолвил ни слова. Мне ничего не оставалось, как спросить:

— Что с вами, Андрей Януарьевич?

Он ответил:

— Скажу честно, живу по принципу: прошел день с утра до вечера, — ну и слава богу [Громыко 1990, т. 2: 508—509].

Историческое время в нарративе. Нарратив, содержащий личную историю, включается или вписывается в «большую» историю страны. Здесь основным маркером становится время. Время обозначается в нарративе через выделенные события. Личная история соотносится со временем исто-

рическим и включается в общее время, а с другой стороны — вся история проявляется через жизнь отдельного человека, и личный нарратив является частью истории. И тогда история — это не последовательная цепь событий, у которой есть причины и следствия, а личная жизнь, как она сложилась и осталась в истории.

Конечно, наиболее сильные впечатления, связанные с дипломатической работой за рубежом, у меня остались от США. Это объясняется, прежде всего, тем, что находился я там в самое напряженное время — военное и первый послевоенный год. Немало дипломатов работали в США, и сейчас я не раз вспоминаю моих предшественников и преемников на посту посла в Америке. Они хотя были людьми разными, даже весьма разными, но все вносили свой вклад в дело развития советско-американских отношений. Вот их имена: А. А. Трояновский, К. А. Уманский, М. М. Литвинов, К. В. Новиков, А. С. Панюшкин, Г. Н. Зарубин, М. А. Меньшиков, А. Ф. Добрынин. А. А. Трояновский был первым послом СССР в США, и Вашингтон его хорошо помнит как дипломата высокой квалификации. Наиболее глубокий след оставил Анатолий Федорович Добрынин, который находился на этом посту почти двадцать пять лет. Его знание США уникально. Одним из видных и опытных дипломатов является Ю. В. Дубинин, находящийся в настоящее время в Вашингтоне на ответственной дипломатической работе в качестве посла Советского Союза [Громыко 1990, т. 1: 212].

Нарратив о своей личной жизни эгоцентричен. «Я» оказывается в центре истории. В сознании нарратора его личность, его судьба и судьба ближайшего окружения приобретают такой же масштаб, как большие исторические события. Вот, например, как рассказывает о «своем времени» А. А. Громыко.

В исторической литературе очень мало сказано о том, что представлял собой Мао Цзэдун как деятель, оказавший влияние и на развитие международной обстановки. Ведь в течение десятков лет внешнюю политику Китая магнитизировали его идеи, его философские воззрения. В связи с этим думается, что отдельные высказывания Мао Цзэдуна в моем присутствии либо непосредственно в беседе со мной могут представлять определенный интерес <...>.

Впервые я встречался с Мао Цзэдуном в декабре 1949 года во время его визита в Советский Союз (декабрь 1949 г.— февраль 1950 г.) <...> Очень тепло прошел

устроенный 14 февраля 1950 года в ресторане гостиницы „Метрополь“ обед в связи с пребыванием Мао Цзэдуна в СССР, на котором присутствовало советское руководство во главе со Сталиным. Атмосфера на приеме царила торжественная.

Вместе с тем мне и не только мне, как участнику этих бесед и встреч, бросилось в глаза, что между двумя лидерами — Сталиным и Мао Цзэдуном разговоры завязывались, так сказать, с заминкой. Обменивались они несколькими фразами, rozumеется, через переводчика, а затем наступала пауза, которая, однако, длилась далеко не минуту. Это отмечалось и за обедом, где два лидера сидели рядом.

Сидя напротив, с другой стороны стола, я пытался помочь им завязать разговор. Но особого успеха не имел, поскольку через переводчика все это выглядело как-то тяжеловесно. Главное, на мой взгляд, заключалось в том, что и Сталину и Мао Цзэдуно являно не хватало чего-то персонального, что помогало бы им в установлении необходимых контактов <...>.

После этой встречи у меня осталось чувство, что Сталин и Мао Цзэдун еще друг к другу „не притерлись“. Однако этого мнения я никому из наших товарищей не высказывал, полагая, что, возможно, и ошибаюсь. Время, наверное, кое-что прояснит.

Лидия Дмитриевна^[8] на выходе из зала мне шепнула:

— Сталин и Мао Цзэдун почему-то мало разговаривали между собой.

А ведь она была их соседкой по столу и видела все великолепно. Я ответил:

— У меня тоже такое впечатление.

На следующий день я услышал от других товарищей, что, по их мнению, за обедом у „большой двойки“ не хватало сердечности. Через несколько дней атмосфера, в общем, не изменилась. Тем не менее, в Кремле 14 февраля 1950 года подготовленный договор торжественно подписали. Отношения между двумя державами превратились в отношения союзников, их общие интересы получили свое отражение в договоре [Громыко 1990, т. 2: 209—210].

В главах «О Сталине на конференциях», «На ближней даче Сталина», «Кое-что о периоде застоя» А. А. Громыко характеризует основных политических персонажей своей эпохи.

Наверное, ни в нашей стране, ни тем более за рубежом, ни даже среди родственников Сталина нельзя найти никого, кто взялся бы перечислить множество граней, составляющих облик и характер этого че-

ловека...<...> Сказанное лишь подтверждает тяжесть преступлений, совершенных против миллионов невинных советских людей. Ведь весь механизм репрессий, обрушившийся на их головы, направлял Сталин... [Громыко 1990, т. 1: 262].

О Н. С. Хрущеве он говорит как о человеке, «скатившемся до культа своей личности».

Говоря о Л. И. Брежнев, он замечает: *Его знания не отличались глубиной. Не случайно он не любил разговоров на теоретические темы, относящиеся к идеологии и политике...<...> Он ничего не читал...<...> Экономическое положение страны было очень сложным, а в некоторых отношениях тяжелым. Это был застой в экономике, науке и технике, социальной сфере. Имели место разного рода комбинации с цифрами, не отражающими истинного положения в промышленности и сельском хозяйстве...<...> А приходилось говорить о мнимых успехах...* [Громыко 1990, т. 2: 523—524].

Притом эта «внешняя жизнь» не может изменить духовной, внутренней жизни самого нарратора, его системы ценностей, если обратиться в качестве свидетельства к выступлению А. А. Громыко 1 октября 1988 г. в Большом Кремлевском дворце перед депутатами с просьбой освободить его от обязанностей Председателя Президиума Верховного Совета СССР в связи с уходом на отдых.

...Верю в могучую силу наших идей и принципов. С этой верой наш народ прошел тяжелый и вместе с тем героический путь после Великого Октября. Все мы знаем, каких жертв это стоило на разных этапах истории Советского государства.

Но наша страна социализма, повторяю, страна социализма не только выжила. Она еще и обрела силы идти вперед, идти уверенной поступью.

Да, в истории нашей страны были срывы. Они хорошо известны. Мы их осуждаем решительно и справедливо. Но звезда социализма с Октября семнадцатого года всегда светила. Она была зажжена для того, чтобы никогда не померкнуть в Стране Советов [Громыко 1990, т. 2: 541—542].

Так воссоздается не только «время» нарратора, но и его внутренняя жизнь, система его нравственных правил, его жизненное «кредо».

Время и модальность. Рассказ может вестись в грамматической форме и прошедшего, и настоящего времени. Но модальность нарратива — всегда настоящего времени. Шкала модальности имеет две графы: модальность события и модальность изложения. Они контаминируются, обращаясь в

настоящее время и актуализированную модальность нарратива.

На совещании в так называемом Розовом дворце в Париже, которое проходило в марте — июне 1951 года, официальный представитель Англии, первый заместитель министра иностранных дел Эдвард Дэвис сделал любопытное заявление:

— Войны вообще нельзя уничтожить, а человек по своей природе является драчливым и агрессивным существом.

Сейчас эта мрачная ницшеанская концепция не пропагандируется столь откровенно. Но, по существу, противники уничтожения ядерного оружия ее придерживаются.

Советский Союз строит свою внешнюю политику, как неоднократно справедливо подчеркивал М. С. Горбачев, на объективной оценке положения. В этом сила и убедительность позиции Советского Союза и других социалистических государств по вопросам ядерного разоружения и борьбы за безъядерный и ненасильственный мир [Громыко 1990, т. 1: 384].

Назвав выше актуализацию в качестве маркера «политического нарратива», нельзя не обратить внимание на такой маркер, как фотографический ряд, прилагаемый к письменному тексту. Общее количество фотографий, сопровождающих политический нарратив А. Громыко — 220 единиц.

По мнению, высказываемому от классических работ Ю. М. Лотмана до современных работ В. В. Нурковой, фотографии — это «корпус ментальных фотографических репрезентаций». То есть это набор особо значимых снимков, на которые мы опираемся, формируя собственный образ [Лотман 2005; Нуркова 2006].

Подписи к фотографиям свидетельствуют о попытке создать «картографию небытия»: «Дом, в котором родился А. Громыко», «Родители А. Громыко», «А. А. и Л. Д. Громыко после свадьбы. 1930 год», «США. У Ниагарского водопада. 1940 год», «С премьер-министром Японии. Токио, 1972 г.», «В дни пребывания в Минске. Февраль 1984 г.», «В цехе НПО „Комплекс“. 10 марта 1987 года», «В рабочем кабинете. Москва, Кремль, 1987 год» и др.

Они позволяют адресату нарратива по своему усмотрению повторно, помимо обращения к тексту, возвращаться к исчезнувшему. Но это лежит на поверхности. Помимо этого, снимки позволяют пережить — убедительно, как полноценную реальность — то, чего не случилось и не могло случиться с адресатом. Но он виртуально может с изображением идентифицироваться.

Роль фотографии в персональной и социальной идентичности сегодня достаточно велика. Но все же основное назначение фотографии при нарративе — это организация памяти другого о себе.

Заключение. Итак, нарратив в самом широком смысле слова может быть соположен с понятием повествования вообще, текста, и, как всякое повествование, может быть разделен на роды и жанры. «Политический нарратив» как вид нарратива действительно имеет реальное бытие.

Как нам представляется, перспективными в политической лингвистике могут стать специальные исследования, в центре внимания которых будут «политические нарративы». Именно в них политические деятели прошлого и настоящего соединяют «свою историю» и «свое время» с рассуждениями о вечном и насущном.

А адресату предстоит оценить значение этих нарративов для понимания истории своей страны, своих современников и той российской действительности, в которой он живет.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1]. Маленков Г. М. (1901—1988) — председатель Совета Министров СССР (1953—1955). Молотов В. М. (1890—1986) — председатель Совета народных комиссаров СССР в 1930—1941 годах, народный комиссар, министр иностранных дел СССР в 1939—1949, 1953—1956 годах.

[2]. Смэтс Я. Х. (1870—1950) — южноафриканский государственный и военный деятель, премьер-министр Южно-Африканского Союза, фельдмаршал; принимал участие в создании Устава Лиги Наций.

[3]. Довженко А. П. (1894—1956) — советский украинский кинорежиссер, писатель, кинодраматург.

[4]. Робсон П. Л. Б. (1898—1976) — американский певец, актер, правозащитник.

V. N. Bazylev
Moscow, Russia

ABOUT THE COUNTRY, THE FATE, THE LIFE EXPERIENCES AND THE PRESENT DAY CONTEXT: ANDREI GROMYKO (ABOUT THE POLITICAL NARRATIVE AND ITS REALITY)

ABSTRACT. *The article continues a series of psychopolitical analysis of Soviet-era politicians' profiles. Previous articles were devoted to Lazar Kaganovich and Nikita Khrushchev, Leonid Brezhnev and Mikhail Gorbachev, etc. The paper derives from the feeling of unrest that the narrative turn in the study of the political linguistics has not happened yet, although the concept level (linguistically, rhetorically, and so on) has obvious potential for the research. The article is the first attempt to address within the research paradigm of political linguistics the self-profile of A. Gromyko who was the head of Soviet diplomacy almost 40 years since 1939, which is a record for the USSR and Russia. The purpose of research is to show the strategy of reading and understanding an autobiography of a political leader as a communicative act, which authorizes his self-awareness and self-representation. The article is based on the concept of political narrative which can be assigned to the statement of the biographical and autobiographical character of a politician. The fact is that the political narrative, like any other kind of narrative, has certain content as well as stylistic and linguistic features. The objective of our study is, in particular, the description of the markers of political narrative — the actual language features, the structure of his poetics, the narrator himself and the reliability of his narrative, historical time and modalities.*

KEYWORDS: *politician's autobiography; political activists; political psychology; reading strategies; text interpretation; political narrative; linguo-personology.*

ABOUT THE AUTHOR: *Vladimir Nikolaevich Bazylev, Professor, Dr.habil. of Philology, The Maurice Thorez Institute of Foreign Languages, Moscow State Linguistic University, Moscow, Russia.*

[5]. Берия Л. П. (1899—1953) — российский революционер, советский государственный и партийный деятель, генеральный комиссар госбезопасности, в 1953 арестован по обвинению в измене Родине в форме шпионажа и заговоре с целью захвата власти и расстрелян.

[6]. Так А. Громыко говорит о Сталине.

[7]. Кеннеди Д. Ф. (1917—1963) — американский политический, государственный и общественный деятель, 35-й президент США (1961—1963). Погиб в результате покушения во время поездки в Даллас в 1963 году.

[8]. Громыко Лидия Дмитриевна — супруга А. А. Громыко.

ЛИТЕРАТУРА

1. Базылев В. Н. О времени и о себе — «дорогом Леониде Ильиче» // Политическая лингвистика. 2017. № 6 (66). С. 12—20.

2. Базылев В. Н. Последний из могикан: Эрих Хонеккер // Политическая лингвистика. 2014. № 3 (49). С. 33—42.

3. Борисенкова А. Н. Нарративный поворот и его проблемы // Новое литературное обозрение. 2010. № 103. С. 327—332.

4. Громыко А. А. Памятное. Кн. 1. — М.: Политиздат, 1990. 512 с.

5. Громыко А. А. Памятное. Кн. 2. — М.: Политиздат, 1990. 559 с.

6. Громыко А. В. Полет его стрелы. Воспоминания и размышления сына. — М.: Научная книга, 2009. 444 с.

7. Дементьев В. В. Светская беседа: жанровые доминанты и современность // Жанры речи. — Саратов: Саратов. ГУ, 1999. С. 86—98.

8. Лотман Ю. М. Об искусстве. Структура художественного текста. Семиотика кино и проблемы киноэстетики. Статьи. Заметки. Выступления (1962—1993). — СПб.: Искусство — СПб, 2005. 702 с.

9. Нуркова В. В. Зеркало с памятью: феномен фотографии: культурно-исторический анализ. — М.: Рос. гос. гуманит. ун-т, 2006. 287 с.

10. О своей земле, своей вере, настоящем и пережитом в России XX—XXI вв. (к изучению биографического и религиозного нарратива) / под ред. Е. Б. Смилянковой. — М.: Индрик, 2012. 472 с.

11. Пушкин А. С. Отрывок из письма к Д. // Полн. собр. соч.: в 20 т. / А. С. Пушкин. — М.: Наука, 2005. Т. 7. 840 с.

12. Рыбас С. Г. Громыко. Война, мир и дипломатия. — М.: Молодая гвардия, 2011. 530 с.

13. Шмид В. Нарратология. 2-е изд., испр. и доп. — М., 2008. 312 с.

REFERENCES

1. Bazylev V. N. O vremeni i o sebe — «dorogom Leonide П'иче» // Politicheskaya lingvistika. 2017. № 6 (66). S. 12—20.
2. Bazylev V. N. Posledniy iz mogikan: Erikh Khonekker // Politicheskaya lingvistika. 2014. № 3 (49). S. 33—42.
3. Borisenkova A. N. Narrativnyy povorot i ego problemy // Novoe literaturnoe obozrenie. 2010. № 103. S. 327—332.
4. Gromyko A. A. Pamyatnoe. Kn. 1. — M. : Politizdat, 1990. 512 s.
5. Gromyko A. A. Pamyatnoe. Kn. 2. — M. : Politizdat, 1990. 559 s.
6. Gromyko A. V. Polet ego strely. Vospominaniya i razmyshleniya syna. — M. : Nauchnaya kniga, 2009. 444 s.
7. Dement'ev V. V. Svetskaya beseda: zhanrovye dominanty i sovremennost' // Zhanry rechi. — Saratov : Saratov. GU, 1999. S. 86—98.
8. Lotman Yu. M. Ob iskusstve. Struktura khudozhestvennogo teksta. Semiotika kino i problemy kinoestetiki. Stat'i. Zametki. Vystupleniya (1962—1993). — SPb. : Iskusstvo — SPb, 2005. 702 s.
9. Nurkova V. V. Zerkalo s pamyat'yu: fenomen fotografii : kul'turno-istoricheskiy analiz. — M. : Ros. gos. gumanit. un-t, 2006. 287 s.
10. O svoey zemle, svoey vere, nastoyashchem i perezhitom v Rossii XX—XXI vv. (k izucheniyu biograficheskogo i religi-oznogo narrativa) / pod red. E. B. Smilyanskoy. — M. : Indrik, 2012. 472 s.
11. Pushkin A. S. Otryvok iz pis'ma k D. // Poln. sobr.soch. : v 20 t. / A. S. Pushkin. — M. : Nauka, 2005. T. 7. 840 s.
12. Rybas S. G. Gromyko. Voyna, mir i diplomatiya. — M. : Molodaya gvardiya, 2011. 530 s.
13. Shmid V. Narratologiya. 2-e izd., ispr. i dop. — M., 2008. 312 s.